

ЧЕРНАЯ ВОЛГА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Михаил Шумов

18+

Михаил Шумов

Чёрная Волга

«Автор»

2026

Шумов М. Е.

Чёрная Волга / М. Е. Шумов — «Автор», 2026

Москва, октябрь 1979 года. Холод пронизывает не только старые драповые пальто, но и сами чертежи мироздания. Инженер-конструктор ЗИЛа Игорь Савин привык чинить поломки доступными средствами, будь то трещина в блоке цилиндров или дыра в собственном браке. Но когда он сталкивается с идеально чёрной «Волгой», которая поглощает свет и ездит по Москве абсолютно бесшумно, привычная физика дает сбой. Дети исчезают прямо из московских дворов, оставляя после себя лишь эмалированные ведра и красные варежки, промерзшие до состояния керамики. Государство списывает это на побег, милиция закрывает дела, а единственный человек, видящий систему в хаосе — инженер с логарифмической линейкой. Чтобы спасти дочь Лену, Игорю придется понять страшную истину: Чёрная машина — это не транспорт Комитета. Это коллектор, собирающий пошлину самым чистым топливом во вселенной — детским страхом. И счетчик уже работает.

© Шумов М. Е., 2026

© Автор, 2026

Михаил Шумов

Чёрная Волга

Глава 1. Холодный пуск

Октябрь в Москве семьдесят девятого года выдался сырым и злым. Ветер, налетавший со стороны Варшавского шоссе, нес не просто холод, а мелкую ледяную взвесь, которая намертво въедалась в драповое пальто и забивалась под воротник рубашки. Игорь Савин стоял на автобусной остановке «Кинотеатр "Ашхабад"», втянув голову в плечи, и смотрел на часы. Электроника его наручного «Электроники-5» показывала 07:12.

В 07:14 должен был подойти сто восемьдесят восьмой. По графику. Но графика в этой части города никогда не существовало. Существовал только пульс заводов — ЗИЛа немного южнее и Серпа и Молота чуть севернее. Утром этот пульс выдавливал из метро и автобусов человеческую массу, спрессовывая ее до состояния киевской котлеты.

Игорь поежился. Пальто, купленное три года назад в универмаге «Москва», предательски продувало в районе поясицы. Он подумал о том, что после работы нужно заехать на склад к Михалычу. У того всегда водилась прорезиненная ткань для уплотнителей, можно будет нашить изнутри. Мысль была привычной, инженерной. Любую брешь в обороне — будь то трещина в блоке цилиндров или дыра в собственном боку — нужно было локализовать и устранить доступными средствами. Рядом переминалась с ноги на ногу женщина лет пятидесяти с двумя тяжеленными сетками-авоськами, из которых торчали зеленые хвостики моркови и стеклянные горла кефирных бутылок.

— Опять встал, — констатировала она, глядя на пустое полотно дороги. — Как ЛФК прошла, так он встал. Третий день уже мучаюсь.

Игорь молча кивнул. Разговоры с незнакомцами до первой сигареты давались ему с трудом. Мир вокруг состоял из чертежей, допусков и шероховатостей поверхности. Чужие эмоции были той самой лишней деталью, которую конструктор забыл предусмотреть, а сборщик поленился сточить напильником.

Наконец, из-за поворота, тяжело переваливаясь через стыки бетонных плит, вырулил Икарус-гармошка. Скрипнув пневматикой дверей где-то в своем раздутом животе, он исторг из себя облако пара и десятка два тел. Игорь позволил потоку занести себя внутрь.

В салоне пахло мокрой шерстью, дешевым табаком «Прима» и специфическим запахом перегретого электрообогревателя под сиденьями. Люди висели на поручнях, как туши на крюках мясника. Игоря прижали лицом к заднему стеклу кабины водителя.

За толстым стеклом маячила напряженная шея человека в кепке. Водитель гнал.

Мотор натужно ревел, пытаясь удержать график перед диспетчером конечной станции. Они проехали мимо проходной ЗИЛа. Гигантские буквы над крышей еще не зажглись в полную силу, но цеха уже дышали — из широких труб валил густой белый пар, смешиваясь с низким серым небом. Это была граница миров. Там, за забором, царил порядок. Сталь подчинялась прессам, алюминий тек в формы, инженеры вроде Игоря двигали прогресс вперед на доли миллиметра в год. Здесь же, в автобусе, правил хаос.

На «Автозаводской» толпа схлынула, оставив после себя влажный линолеум пола и запах прелой листвы от чьих-то ботинок. Игорь смог наконец сесть. Он достал из внутреннего кармана блокнот в дерматиновой обложке. На работе это был журнал учета дефектов сборки А-8 (задняя подвеска новой модели), сейчас же он открыл чистую страницу.

Он начал рисовать. Не профиль дочери, который обычно выводил во время телефонных разговоров с бывшей женой, а схему замка входной двери своего подъезда. Ригель ходил туго, смазка загустела. Нужно будет залить веретенку. Или лучше ЦИАТИМ? От этих мыслей отвлек звонок.

Телефонная будка у метро «Тульская». Автомат сожрал две копейки, долго щелкал искрами внутри прозрачной головы, но потом гудок все-таки пошел. — Да? — голос бывшей жены, Инны, звучал так, словно она говорила сквозь сложенную вчетверо газету.

— Я подъезжаю к Текстильщикам, — сказал Игорь. — Через десять минут буду.

— Она кашляет. Я дала ей пертуссин. Застегни ей шарф, там ветрено.

— Шарф синий, в клетку?

— Господи, Игорь, ну откуда мне знать, какой там шарф лежит у тебя в прихожей. Тот, который на вешалке. И проверь шапку, она вчера жаловалась, что тугая.

Связь оборвалась короткими гудками.

Игорь повесил тяжелую трубку на рычаг. Пертускин, шапка, вешалка. Бытовая шелуха, которая теперь существовала отдельно от него. Когда они развелись полтора года назад, Игорь думал, что самое страшное — это тишина в квартире по вечерам. Оказалось, нет. Самое страшное — это быть приходящим отцом. Функцией выходного дня. Механиком, которого вызывают подтянуть гайки в отношениях, пока основной пользователь занят своей жизнью.

Школа номер четыреста двадцать пять стояла буквой «П» посреди типового двора, заставленного металлическими грибками песочниц. Асфальт во дворе весь пошел волнами — корни старых тополей ломали советское покрытие, создавая идеальный полигон для слалома.

Лена ждала у калитки. Он увидел ее издалека. Дочь пошла не в него — тонкокостная, светловолосая, вся состоящая из острых углов и быстрых движений. Рядом с ней монументально возвышалась фигура завуча Маргариты Петровны. Женщина держала руки крестнакрест на объемном животе и что-то строго выговаривала Лене. Судя по виновато опущенной голове дочери — снова спорила на уроке литературы.

Маргарита Петровна заметила Игоря, смерила его неодобрительным взглядом строгой учительницы, оценившей несостоятельность родителя, и величественно удалилась обратно в теплое нутро школы.

— Привет, кнопка, — Игорь попытался взъерошить ей волосы, но Лена увернулась. — Пап, я получила четверку по физике. За задачу про давление жидкости. Марья Васильевна сказала, что я не учла вязкость.

— Вязкость учитывают при ламинарном течении, — автоматически поправил Игорь. — В школьной задаче вода идеальная. Ты права.

Лена впервые улыбнулась, доставая из портфеля сменку.

— Я знала, что ты скажешь! Пацаны вообще думают, что вода — это просто мокро. Они шли к выходу со школьного двора. Игорь нес ее рюкзак — легкий, почти невесомый, забитый тетрадами в глянцевых обложках с портретами космонавтов. Контраст между этим пластиком и потертой клеенкой его собственного студенческого прошлого казался оглушительным.

— Тебя мама кормила? — спросил Игорь.

— Кашей. Рисовой. С комочками.

— Термическая обработка клейстеризует крахмал. Комочки — это нарушение температурного режима засыпки крупы. Запиши ей это. — Пап!

— Шучу. Извини.

Они вышли на улицу. Главная дорога жила своей обычной утренней жизнью: рев грузовиков, визг трамваев на повороте. И тут воздух изменился.

Это сложно описать физически. Не стало тише, моторы не заглохли. Просто исчез городской фоновый гул, состоящий из сотен слившихся звуков. Остался только звук шин по мокрому асфальту. Ровный, тяжелый, ритмичный. Ш-шух. Ш-шух. Из крайнего левого ряда, включив поворотник с сухим, отчетливым щелчком реле, плавно выплыла она. ГАЗ-24 цвета воронова крыла. Идеально чистая, несмотря на октябрьскую грязь, взлетающую из-под колес других машин. Ни пылинки на черном лаке.

Игорь замер.

«Волга» шла медленно, крадучись. Примерно сорок километров в час, хотя левый ряд позволял идти под сотню. Она проплывала мимо них, закрывая собой вид на обшарпанную пятиэтажку. Стекла машины были затонированы настолько густо, что казались глухими стальными листами. Абсолютно непроницаемыми.

У инженера-проектировщика мозг работает иначе. Там, где обычный человек видит мистику или угрозу, Игорь видел техническое несоответствие.

Во-первых, цвет. Заводская черная эмаль «вороново крыло» всегда имела фиолетовый или темно-зеленый подтон на солнце. Эта машина поглощала свет целиком. Матовая, бархатная тьма.

Во-вторых, зазоры. Панорамное лобовое стекло стояло идеально, без малейшего перепада относительно резинового уплотнителя. Так собирали выставочные образцы в экспериментальном цехе, а не серийные авто на конвейере.

В-третьих, звук. Подвеска «двадцать четвертой» конструктивно не могла работать так бесшумно. Должен быть перестук амортизаторов, скрип рессор, гул моста. Этот автомобиль скользил над дорогой.

— Пап, — тихо позвала Лена. Ее пальцы мертвой хваткой впились в рукав его пальто.

Когда «Волга» поравнялась с ними, правое переднее стекло начало опускаться. Бесшумно, рывками по сантиметру. Внутри не горел свет. Салон выглядел как провал в пространстве, прямоугольная пещера абсолютного мрака.

Игорь сделал шаг вперед, инстинктивно заслоняя дочь плечом. Его сердце, привыкшее мерно перекачивать кровь во время размеренной работы за кульманом, пропустило удар, а затем заколотилось о ребра с частотой отбойного молотка. Страх пришел не сразу. Сначала пришло недоумение. Кто сидит там, в правительственном эскорте местного значения? Почему здесь, в Текстильщиках, среди панельных муравейников?

Стекло опустилось полностью. Темнота внутри шевельнулась.

Там действительно кто-то был. Силуэт едва угадывался на фоне темной приборной панели. Массивная голова, покатые плечи. Человек повернулся. Медленно, преодолевая сопротивление невидимой пружины.

Глаза водителя скрывали очки с круглыми темными линзами, какие носили сварщики или сотрудники определенных ведомств на испытаниях. Но даже сквозь них Игорь почувствовал взгляд. Взгляд не имел направления. Он не исходил из глаз. Он заполнял всё пространство улицы, прижимая асфальт к земле, выдавливая воздух из легких.

Водитель поднял правую руку. На нем была серая трикотажная перчатка. Пальцы не делали никаких знаков. Ладонь просто легла на верхнюю часть руля. И в этот момент левая рука, лежавшая внизу, сделала короткое, приглашающее движение. Два пальца согнулись, маня к себе.

Иди сюда. Садись.

Ни один мускул не дрогнул на лице водителя за этими очками. Никакой мимики. Только механика жеста.

— Папа, мне страшно, — прошептала Лена Игорю прямо в ухо. Ее дыхание обожгло кожу. — Давай перейдем дорогу. Побежали.

Игорь не мог сдвинуться с места. Ноги стали ватными, отказываясь выполнять команды мозга. Вся его логика, все знание устройства мира рассыпалось. Если эту машину прислали за ним, то почему рядом стоит ребенок? Если за ней — почему водитель смотрит на него?

Сзади возмущенно сигналили. Поток машин пришел в движение. Водитель синего «Москвича»-комби раздраженно нажал на клаксон, объезжая застывший черный седан.

Этот грубый, материальный звук двухтонального сигнала разорвал морок.

«Волга» резко, с пробуксовкой задних колес, которой никак не могло быть на мокром асфальте у тяжелого седана, сорвалась с места. Черный бампер мазнул по луже, окатив шта-

нину Игоря ледяной грязью. Машина вклинилась в поток, идущий в сторону центра, дважды мигнула красным светом стоп-сигналов — точка, точка — и скрылась за поворотом, ведущим к набережной.

Звук мотора растворился в общем гуле Варшавского шоссе быстрее, чем положено акустике открытого пространства. Будто выключили запись.

— Что это было? — выдохнула Лена. Она все еще пряталась за спиной отца, выглядывая из-за его локтя.

— Понятия не имею, — голос Игоря прозвучал сипло и чуждо. Он откашлялся. — Какой-то псих. Мажор на папиной машине. Поймал столбняк.

Он говорил уверенно, используя слова-заглушки. Псих. Мажор. Столбняк. Объяснимые категории материального мира.

Но обмануть себя не получалось.

Игорь посмотрел на свою левую руку. Ту самую, которой он прижимал к себе портфель Лены. Пальцы мелко дрожали. Мелкая моторика, необходимая для работы с микрометром, отказала. Впервые за пятнадцать лет практики.

— Держи свой мешок с костями, — грубовато сказал он, протягивая дочери рюкзак. — Пошли. Опоздаем на трамвай.

— У тебя лицо белое, — заметила Лена.

— Ветреный сегодня день. Продуло.

Они пошли к пешеходному переходу. Игорь шел, четко попадая в такт зеленому сигналу светофора. Левая-правая. Четкий алгоритм. Безопасный маршрут. Только когда они сели в полупустой трамвай номер тридцать пять, и вагон тронулся, дребезжа старыми окнами, Игорь позволил себе достать тот самый блокнот. Открыв его на чистой странице, он не стал рисовать схемы замков.

Посередине листа, твердым, как сталь, почерком конструктора, он вывел три буквы: ССД.

Под буквами он нарисовал решетку радиатора ГАЗ-24. Та самая хромированная звезда, которую он мельком успел заметить сквозь темноту салона, прежде чем стекло поднялось. Звезда смотрела на него со страницы блока, хищно поблескивая даже в тусклом свете трамвайных ламп.

Глава 2. Картотека исчезновений

Квартира Марины Эдуардовны на третьем этаже кирпичной девятиэтажки в районе

Шаболовки пахла валокордином, заваренным крутым кипятком чайным грибом и старыми книгами. Этот запах был для Игоря Савина запахом абсолютной стабильности — таким же неизменным, как шаг резьбы метрического болта или плотность дистиллированной воды.

Марина Эдуардовна встретила зятя в дверях. Она куталась в пуховую шаль поверх плотной байковой ночной рубашки, хотя за окном едва начинало смеркаться, а чугунные батареи жарили так, что воздух дрожал.

— Проходи, Игорек. Я только что «Международную панораму» выключила. Опять про разрядку напряженности говорят, а у самих сахар по талонам. Раздевайся, вешай пальто прямо на батарею, оно мокрое насквозь.

Игорь стянул тяжелые от уличной сырости ботинки, поставил их сушиться на резиновый коврик с надписью «Осторожно, скользко» и прошел в комнату. Главная комната тещи напоминала филиал районной библиотеки после инвентаризации. Стены до самого потолка были заставлены стеллажами из темного ДСП. Книги стояли не корешками наружу, как принято для красоты, а обложками. Марина Эдуардовна презирала эстетику книжных полок. Для нее книга была инструментом, деталью механизма просвещения, и искать ее нужно было по названию, напечатанному крупным шрифтом на картонке: «Как закалялась сталь», «Педагогическая поэма», «Судьба человека».

Но сегодня внимание Игоря привлек не массив литературы. На круглом дубовом столе, покрытом плюшевой скатертью с бахромой, царил хаос. Хаос упорядоченный. В центре лежала карта Советского района Москвы, вырванная из старого школьного атласа. Поверх карты был приколот лист кальки. Калька была исчеркана цветными фломастерами. Синие кружочки, красные крестики, зеленые стрелки. Рядом стояла пустая чашка в красный горох, из которой торчали три остро заточенных карандаша (твёрдый, мягкий и очень мягкий), и школьный деревянный треугольник. — Что это? Ремонт планируете? — спросил Игорь, кивнув на карту. Он старался говорить ровно, но спазм в горле после встречи с черной машиной все еще не отпускал.

Марина Эдуардовна тяжело опустилась в кресло-качалку, жалобно скрипнувшую пружинами. Кресло было единственным предметом мебели, который имел право на движение в этой квартире.

— Садись, — она указала узловатым пальцем на стул напротив. — Чай будешь? У меня эклеры остались, вчера Зина со второго подъезда принесла, у них на работе премию дали мясом.

— Нет, спасибо. Я Лену покормил в пельменной на Тульской. Марина Эдуардовна, вы плакали?

Теща подслеповато моргнула. Ее глаза, обычно острые и внимательные, как булавки, которыми она прищиплиwała выкройки к ткани, сейчас были красными и влажными.

— Лук резала. Хотела блинчики с яйцом и зеленым луком сделать, раз уж ты приехал. А потом передумала. Желудок... схватывает.

Она соврала неумело, по-детски. Но Игорь не стал настаивать. Если человек хочет скрыть слезы, инженер должен уважать допуски его личной конструкции.

— Покажи мне, что это такое, — он постучал ногтем по кальке.

Марина Эдуардовна вздохнула. Глубоко, со свистом втянув воздух сквозь вставные зубы. Она взяла карандаш «Конструктор» твердости ТМ и провела им по синей линии Варшавского шоссе.

— Это началось месяц назад. Помнишь мальчика из сто пятнадцатой квартиры?

Витенька. Худенький такой, астматик. Мать его всё искала ингаляторы польские.

— Помню, — кивнул Игорь. — Его отец в таксопарке работает. Говорил, мальчишка сбежал к бабушке в Подольск, потому что мать пилит за двойки.

— Не сбежал он куда, — голос Марины Эдуардовны упал до шепота. — И никакой бабушки в Подольске нет, я проверила. Там двоюродная тетка, которая третий год парализованная лежит. Мальчик просто вышел мусор вынести. Ведро эмалированное, крышка красная. До сих пор стоит у мусоропровода. А сам пропал.

Она подвинула к нему журнал «Здоровье» за прошлый год. Между страницами лежала вырезка из местной газеты «Вечерняя Москва».

— Читай вслух, — приказала она.

Игорь взял пожелтевший листок. Мелкий шрифт слепил глаза.

«Уважаемые граждане! В связи с участвовавшими случаями ухода детей из дома, редакция напоминает о необходимости родительского контроля. Дети — наше будущее, и халатность взрослых недопустима. По данным детской комнаты милиции, за последний квартал наблюдается рост числа несовершеннолетних, самовольно покинувших семью. Напоминаем телефон доверия...»

— Это общие фразы, — пожал плечами Игорь. — Стандартная советская отписка.

Чтобы статистику не портить оглаской настоящих происшествий.

— Вот именно! — Марина Эдуардовна ударила ладонью по столу так, что звякнула ложечка в чашке. — Они пишут «рост числа», когда исчезает один ребенок на район в полгода! А теперь смотри сюда.

Ее палец переместился на верхний левый угол карты, где зеленело пятно Битцевского лесопарка.

— Двадцать третье сентября. Район Новые Черемушки. Девочка, девять лет. Шла из музыкальной школы. Скрипичный футляр нашли через два дня на скамейке. Сама девочка испарилась. Милиция опросила дворника-таджика и закрыла дело.

Несчастный случай, заблудилась в лесу. Какое несчастье, если там асфальт везде?!

Палец двинулся южнее, в сторону Бирюлево.

— Пятое октября. Рабочий парень, шестнадцать лет. Курил за гаражами. Товарищи видели, как подъехала черная машина. Сказали участковому. Участковый сказал — пьяные были, померещилось. Парня списали в бегунки, мол, в армию не хотел.

Еще одно место. Южное Чертаново.

— Двенадцатое октября. Близнецы из семьдесят второй школы. Играли в казаков-разбойников во дворе. Один спрятался за трансформаторной будкой. Вышел оттуда дядя в плаще, дал конфету. Второй мальчик видел издали. Пока бежал к брату, дядя сел в машину, и они уехали. Брат остался стоять. Стоит до сих пор, Игорек.

Врачи говорят — шок, скоро заговорит. Только он немым останется, я таких видела.

Марина Эдуардовна откинулась на спинку кресла. Ее дыхание снова стало тяжелым. — Ты думаешь, я сошла с ума? Старуха, перечитавшая Гоголя вперемешку с протоколами учительских собраний? Мне бы носки штопать да внучку пирожками кормить.

— Я думаю, что вы собрали данные, — сухо ответил Игорь. Инженерный мозг начал включаться, вытесняя липкий ужас. Данные требовали обработки. — Наложение слухов на реальную географию. Где четвертый пункт?

Теща накрыла кальку тяжелой ладонью. Ладонь мелко дрожала.

— Сегодня. Пятница. Текстильщики. Двор твоей бывшей жены. Лена рассказала матери по телефону, пока вы поднимались в квартиру. Инна перезвонила мне в слезах. Девочка сказала: «Мам, мы шли от школы, и папа побелел. Прямо лицом снег стал. А рядом ехала большая собака». Большая собака, представляешь? Так дети описывают то, чему нет названия.

— Собака? — переспросил Игорь.

— Машина, конечно. Огромная, черная, тихая. Лена просто испугалась слова. Дети всегда заменяют страшное понятным. Волк, собака, Бармалей.

Игорь склонился над картой. Он достал из кармана свой блокнот, открыл на странице с буквами ССД и положил его рядом с атласом. Достал циркуль-измеритель.

— Давай масштабируем, — пробормотал он. — Атлас восьмидесятых годов. Масштаб примерно один к сорока тысячам.

Он переставил ножки циркуля. Расстояние между Новыми Черемушками и Бирюлево составило четыре сантиметра. Около шестнадцати километров реального пути. От Бирюлево до Чертаново — еще пять сантиметров. От Чертаново до Текстильщиков... — Почти прямая линия, — выдохнул он. — С погрешностью в триста метров. Все точки лежат на одной дуге. Окружности.

Он быстро начертил иглой циркуля несколько радиусов из воображаемого центра, расположенного где-то в районе Серпуховского вала.

— Центр... здесь ничего нет. Старая промзона. Какие-то автобазы, овощехранилища. Забор колючкой ржавой опутан.

— Ничего там нет, говоришь? — Марина Эдуардовна хитро прищурилась, и в этом прищуре блеснуло безумие азартного охотника. — А вот тут что написано? Она выдвинула ящик комода, стоящего за креслом. Ящик был набит газетными вырезками, квитанциями Мосэнерго за восемьдесят пятый год и фотографиями похорон родственников. Из этого бумажного кладбища она извлекла сложенную вчетверо схему Московского метрополитена образца семидесятого года.

Развернув ее, она приложила к схеме свою кальку с точками исчезновений. — Метро строили не дураки, Игорек. И КГБ тоже не дураки строило. Посмотри на перегоны. Замоскворецкая линия. Тайные ветки. Тоннели спецсвязи. Объект

«Метро-2» слышал? Слухи ходят, что под нами вторая сеть лежит. Правительственная. Красные крестики Марины Эдуардовны идеально легли на серые пунктирные линии секретных тоннелей, которые энтузиасты рисовали на полях официальных схем простым карандашом.

— Они берут детей вдоль трасс обслуживания своих подземных городов. Может, кровь им нужна молодая для партийной верхушки. Может, органы для чекистов, которым сердце посадили кремлевское, а оно не приживается. Я не знаю зачем. Я знаю — кто. Она встала. Ростом она была мала, едва доставала макушкой Игорю до подбородка, но сейчас, освещенная сзади настольной лампой, отбрасывала на стену огромную, ломаную тень старухи-ведуньи.

— Я сегодня ходила в библиотеку имени Крупской. Искала старые подшивки

«Московской правды». Копалась в отделе происшествий тридцатых годов. Знаешь, что тогда писали? Пропажа пионеров. Всегда перед большими праздниками. Перед Первым мая, перед Седьмым ноября. Чтобы народ дисциплину чувствовал. Боишься за ребенка — значит, покорен власти.

Она порылась в стопке бумаг и вытащила лист, отпечатанный на плохой желтоватой бумаге. Качество типографской краски было низким, буквы расплывались.

— Это копия протокола допроса одного инженера путей сообщения. Тридцать восьмой год. Его взяли за вредительство, но он успел передать записку жене через адвоката. Слушай: «Машины приезжают ночью. "Линкольны" черные, американские, привезенные по ленд-лизу для начальства. Их никто не охраняет, потому что охрана боится смотреть внутрь. Детей кладут в багажники, как мешки с картошкой. Никто никогда их больше не видит. Начальство называет это "Сбор урожая". Я подписал акты приемки этих машин в гараже Совнаркома. У всех номера одинаковые, временные, без серии. Только буквы намалеваны суриком. Эс-Эс-Дэ».

Игорь почувствовал, как холодный пот стекает по позвоночнику под байковую рубашку.

Тридцать восьмой год. Спецтранспорт. Аббревиатура.

Это выходило за рамки статистической погрешности. Это пахивало массовым психозом, транслируемым сквозь десятилетия. Или...

Или чем-то, что использует одни и те же каналы логистики. Одну и ту же материально-техническую базу.

— Марина Эдуардовна, — медленно произнес он, стараясь держать голос в нижнем регистре, чтобы не выдать тремора. — Зачем вы мне это показываете? Думаете, я пойду в милицию с чертежом окружности? Меня первого увезут на Канатчикову дачу. У меня дочь. Я работаю на стратегическом предприятии. Мне нельзя быть сумасшедшим.

— Я не прошу тебя идти в милицию, — тихо ответила теща. Она вернулась в кресло, сгорбилась, сразу став меньше и старше. — Я прошу тебя посмотреть фактам в лицо.

Ты любишь факты, Игорек. Ты же инженер.

Она подняла на него больные, воспаленные глаза.

— Факт первый: твоя дочь видела эту машину сегодня. Лицом к лицу.

— Она напугана. Ей двенадцать лет. Переходный возраст, впечатлительность... — Факт второй, — перебила она жестко. — Мой муж. Твой тесть. Петр Николаевич. Он умер в шестьдесят втором. Инфаркт. Ему было сорок пять. Хороший был фрезеровщик, орденосец. За неделю до смерти он пришел домой белый. Сидел на кухне, крутил в руках гаечный ключ на тринадцать и смотрел в одну точку. Сказал только одну фразу: «За мной приезжали. Ошиблись этажом, перепутали окна. Я шторы задвинул, они постояли и уехали». Через день его нашли в цеху. Сидел на верстаке, мертвый. Сердце. Окна в бытовке выходят на задний двор. Там как раз ворота автобазы. И каждое утро туда приезжал черный ГАЗ-М-20 «Победа» начальника снабжения. Идеально чистый. Тонированный наглухо. Муж тогда впервые закурил.

Хотя бросил десять лет назад.

Марина Эдуардовна замолчала. В комнате тикали настенные часы с кукушкой, отсчитывая секунды социалистического времени. Каждый удар маятника отдавался в голове Игоря ударом поршня.

— Почему вы молчали тридцать семь лет? — хрипло спросил он.

— Потому что окно можно закрыть шторой. Можно переехать в другой район. Можно сменить завод. Но если твой ребенок ходит в школу... — она не договорила, махнув рукой. — Инна просила тебе не рассказывать. Боялась, что ты забереешь Лену насовсем, а она лишится алиментов. Дура баба. Деньги ей важнее, чем метки на карте.

А я старая. Мне терять нечего. Кроме внучки.

Она вдруг перегнулась через стол и цепкими птичьими пальцами схватила Игоря за запястье. Хватка оказалась железной.

— Обещай мне, — зашептала она, приблизив свое лицо вплотную к его. От нее пахло мятными таблетками от сердца и пылью. — Обещай, что не будешь героем. Героев эта машина любит больше всего. Тех, кто лезет разбираться. Кто ищет правду. Правда для нее — как смазка для шестеренок. Обещай, что если увидишь ее снова возле Лены — ты побежишь. Бросишь портфель, бросишь гордость, схватишь девочку в охапку и побежишь так, как на твоём ЗИЛе никогда не ездили. Понял меня? Просто беги.

Игорь посмотрел на руку тещи. Суставы пальцев деформированы полиартритом, ногти коротко стрижены и покрыты желтизной никотина. Обычная старческая рука. Но сила, с которой она держала его, была нечеловеческой. Это был страх, кристаллизовавшийся в мышцах. Страх плотнее стали.

— Я понял, — сказал он, осторожно высвобождая запястье. — Я куплю новые замки.

Два оборота. И цепь. Железную.

— Цепь перекусывается болторезом, — отрезала Марина Эдуардовна. — Лучше сделай себе свинцовую трубку. Хорошую, дюймовую. И держи под ванной. Когда придут за ней, бей первым. Бей по стеклам. Им нужен товар целым, они трусы.

Испугаешь — отступят.

Она начала собирать бумаги со стола. Ловко, привычно, словно проверяла тетради нерадивых учеников. Калька свернулась в трубочку, карта скрылась в ящике, газета отправилась в стопку макулатуры.

— Ужинать будем? — спросила она совершенно другим, обыденным голосом. — Гречка осталась, разогреть?

Игорь встал. Комната слегка качнулась перед глазами, пришлось опереться рукой о край шкафа. Мир разделился на две неравные части. В первой оставались чертежи подвесок, нормы расхода металла, планы на выходные и алименты бывшей жене. Во второй была свинцовая трубка под ванной, секретные линии метро, проходящие прямо под полом спальни его дочери, и абсолютно чистые чёрные машины, которые ошибаются этажами.

— Спасибо, — сказал он. — За информацию. Мы справимся. Я инженер. Я умею решать задачи с недостатком данных. Нужно просто найти константу.

— Константа одна, — глухо отозвалась теща из кухни, гремя тарелками. — Они всегда приходят в дождь. Или когда начинает темнеть. Свет режет им глаза. Настоящий свет, понимаешь? Не электрический. Поэтому днем они прячутся в тени арок. Запиши это в свой блокнот, проектировщик.

Хлопнула дверца холодильника. Запахло солеными огурцами. Обычный вечер обычной советской семьи.

Только выйдя на лестничную клетку и начав спускаться вниз, Игорь сунул руку в карман пальто. Блокнота там не было. Должно быть, забыл на столе у тещи. Впрочем, записывать константу нужды уже не было. Он запомнил ее навсегда: они боятся настоящего света.

Глава 3. Допуск на холод

Понедельник в штамповочном цехе номер четыре всегда пах одинаково: озоном от работающих сварочных аппаратов, горячей стружкой и сладковатой гарью сгоревшего машинного масла. Для Игоря Савина этот запах был синонимом нормальности. Здесь всё подчинялось законам термодинамики и сопромата. Если пресс выдавал брак — виноват был перекося штамп или усталость металла, а не происки империалистов. Игорь стоял у своего кульмана. Огромный наклонный стол занимал половину его кабинета-конуры, отделенного от общего гула цеха тонкой перегородкой из ДВП. Перед ним лежал чертеж задней подвески новой малолитражки. Задача была нетривиальной: нужно было усилить кронштейн продольной тяги, сэкономив при этом три килограмма высокопрочной стали для годового плана экономии ресурсов.

Он водил рейсфедером по кальке, выверяя угол наклона рычага. Рука двигалась механически. В голове вместо эпюр напряжений крутились вчерашние слова Марины Эдуардовны: «Они боятся настоящего света». Какого именно? Инфракрасного?

Ультрафиолетового? Спектра поглощения черного лака «Волги»? Он пытался перевести мистику в цифры, но числа рассыпались.

— Савин! К телефону. Первая линия, внутренний.

Голос секретарши начальника производства Верочки раздался из-за перегородки так неожиданно, что Игорь вздрогнул, оставив на чертеже жирную кляксу китайской туши.

— Кто?

— Николай Иванович. По-быстрому только, он там... не один.

Игорь положил рейсфедер в ванночку с керосином и пошел к аппарату. Тяжелая эбонитовая трубка висела на витом шнуре. Он поднес ее к уху.

— Слушаю, Николай Иванович.

Вместо густого баса начальника производства в трубке слышалось тяжелое, прерывистое дыхание. Кто-то громко глотал слюну.

— Игорь... — голос Николая Ивановича звучал так, будто начальник цеха говорил, не разжимая зубов. — Зайди ко мне. Кабинет открыт.

Связь оборвалась короткими гудками.

Николай Иванович Шубин руководил сборочным цехом двадцать лет. Это был гранитный монумент советского хозяйственника: лысина, переходящая в мощный затылок, руки размером с совковые лопаты и привычка решать любые вопросы ударом кулака по столу. За двадцать лет Игорь видел его пьяным дважды: на похоронах Брежнева и когда жена рожала второго сына. Оба раза это были контролируемые сто граммов коньяка для снятия стресса.

Но сейчас, судя по голосу, Николаю Ивановичу требовалось нечто большее, чем сто граммов.

Игорь набросил на плечи халат поверх пиджака — правила техники безопасности в административном крыле соблюдались строго — и вышел в цех.

Грохот здесь стоял такой, что вибрировали зубы. Сорокапятитонный пресс-автомат ритмично плющил листы металла, превращая их в днища кузовов. Каждое падение многотонной плиты отдавалось в груди низким гулом. Рабочие в брезентовых робах, защитных очках и беретах казались армией одинаковых насекомых.

Кабинет начальника цеха находился на антресоли, над конвейером. Лестница сварена из арматуры, перила отполированы до блеска тысячами замасленных ладоней. Дверь в кабинет Николая Ивановича действительно была приоткрыта. Из щели тянуло сквозняком и тяжелым запахом этилового спирта. Не дорогого коньяка, а самой дешевой водки из «сельпо», настоящей на дубовой коре.

Игорь постучал костяшками пальцев о косяк.

— Можно?

Ответа не последовало.

Николай Иванович сидел за своим столом, уронив голову на скрещенные руки. Между локтями стояла початая бутылка «Столичной» и граненый стакан, на дне которого плескалось немного мутной жидкости. Рядом лежала мягкая пачка «Беломорканала».

Начальник не спал — его широкие плечи мелко тряслись.

На стене за его спиной висел обязательный портрет Дзержинского, засиженный мухами, и выпел победителя соцсоревнования. Под выпелом, на специальной полочке, стояли почетные грамоты в рамках под оргстеклом. А рядом с ними... Игорь замер на пороге. Его мозг зафиксировал аномалию раньше, чем глаза успели сфокусироваться.

Рядом с фотографиями ударников труда, прислоненная прямо к графину с водой, стояла деталь, которой там быть не могло. Хромированная эмблема с решетки радиатора ГАЗ-24. Та самая звезда.

Она была ледяной.

Игорь почувствовал это кожей лица с расстояния трех метров. От хромированного пластика исходил физически ощутимый минус. В кабинете было градусов двадцать пять тепла от батареи центрального отопления. На стеклах графики выполнения плана конденсат собирался в капли. Но вокруг эмблемы стекло оставалось прозрачным. Оно запотело везде, кроме идеального круга диаметром десять сантиметров вокруг значка. Морозный узор расходился от него тонкими иглами, как на окне деревенской избы в крещенские морозы.

— Садись, — не поднимая головы, прохрипел Николай Иванович. Голос шел откуда-то из глубины грудной клетки. — Чего встал? Замерзнешь.

— Николай Иваныч, вам плохо? Скорую вызвать? Я Верочку пошлю... — Не надо скорую, — начальник цеха медленно поднял лицо.

То, что увидел Игорь, напугало его больше, чем чёрная машина во дворе. Лицо Николая Ивановича потеряло свою гранитную монументальность. Щеки обвисли серыми складками, под глазами залегли фиолетовые тени, каких не бывает после обычного запоя. Губы были синими.

Но страшнее всего были глаза. Зрачки превратились в две неподвижные точки.

Начальник смотрел сквозь Игоря, куда-то в стену, где обои пузырились от сырости. — Они ошиблись этажом, — сказал Николай Иванович фразу, которую вчера вечером произносила Марина Эдуардовна. Слово в слово. Тем же глухим, мертвым шепотом.

— Перепутали окна. Я шторы задвинул. Они постояли и уехали.

— Кто они? — спросил Игорь, делая шаг вперед. Нужно было действовать по инструкции. При обмороке обеспечить приток воздуха, расстегнуть воротник. — Сын мой, — Николай Иванович потянулся к бутылке трясущейся рукой, промахнулся мимо стакана и плеснул водку на столешницу. — Пашка. Десять лет ему. Сказал, пойдет в кино на утренний сеанс. «Ну, погоди!». Деньги я ему дал. Три рубля новыми. Сам проводил до лифта. Нажал кнопку. Двери закрылись. Кабина пошла вниз. Я еще крикнул ему: шапку надень, балбес! И все.

Начальник цеха начал смеяться. Тихо, дребезжаще, раскачиваясь на стуле. Смех перемежался со всхлипами.

— Знаешь, сколько этажей в нашем доме, Савин? Девять. Лифт идет сорок секунд. Я спустился пешком через минуту. Выбежал на улицу. Двор пустой. Воскресенье утро. Только бабка Фрося с первого подъезда коврики выбивает. Говорит: сядилась какая-то баржа черная во двор минут пять назад. Гудела тихо. Стекла черные. Уехала быстро. Куда уехал, спрашиваю? А она крестится. Черти, говорит, за инженером приехали. Она меня чертями назвала, Савин!

Николай Иванович вдруг схватил со стола ту самую ледяную эмблему и швырнул её в Игоря. Игорь машинально поймал тяжелый кусок металла. Холод обжег ладони даже сквозь ткань халата. Температура детали была ниже нуля, металл должен был примерзнуть к коже, но этого не произошло. Холод был сухим, технологичным. Таким становится воздух внутри рефрижератора.

— Положи, — простонал начальник. — Она жрет тепло. Оставь её тут. Пусть стоит. Мне уже все равно. Директор завода приезжал. Двадцать минут назад. Своя машина. Не заводская.

— Директор? — переспросил Игорь. — Пал Михалыч?

— Какой Пал Михалыч... — Николай Иванович посмотрел на Игоря осмысленно впервые за весь разговор. В глазах мелькнул животный ужас. — Большой директор.

Тот, чья подпись стоит на титульном листе нашего существования. Приехал лично.

Посмотрел на меня. Сказал: «Крепись, Николай. Дети — материал стратегический. План есть план. У тебя еще дочь растет, подумай о ней». Сел обратно и уехал. А следователь из прокуратуры опрашивать будет завтра. Официальная версия — к бабушке в Рязань. Написал записку неразборчиво. Почерк подделаем.

Игоря прошиб холодный пот. Директор завода. Член бюро райкома партии. Человек, чье имя произносят полупшепотом даже в курилке. Этот человек приехал утешать плачущего алко-голика в цех и упомянул какую-то версию.

— Николай Иваныч, давайте выйдем на воздух, — Игорь попытался обойти стол. — Вам нужно воды. Регидрон хотя бы. Или чай сладкий. Мозгам нужен кислород и глюкоза.

— Не ходи туда, — рука начальника внезапно метнулась вперед и цепко схватила Игоря за штанину. Хватка была стальной. — Окно. Там окно во двор. Не смотри.

Игорь невольно перевел взгляд. Окно кабинета выходило на погрузочную рампу. Обычно там рядами стояли грузовики «ЗИЛ-130», ожидающие отгрузки готовых кузовов. Сейчас площадка была пуста. Асфальт блестел от растаявшего снега.

Почти пуста.

У самого выезда с территории, напротив самых ворот цеха, перпендикулярно забору стояла она. Чёрная «Волга». Идеально чистая. Ни грязных брызг на порогах, ни капель воды на крыше, хотя утром накрапывал мелкий дождь. Она просто стояла. Двигатель работал на холостых оборотах — выхлопной трубы почти не было видно, лишь легкое марево дрожало над задним бампером, искажая кирпичи забора.

Солнце, тусклое октябрьское солнце Москвы, пыталось пробиться сквозь свинцовые облака. Луч упал на лобовое стекло машины.

Оно не отразило свет. Оно его выпило. Там, куда попал луч, стекло стало абсолютно непроницаемым колодцем, дырой в пространстве.

Из водительской двери никто не выходил. Машина просто стояла. Ждала.

Игорь знал, кого она ждет. Она ждала, когда начальник цеха окончательно сломается, чтобы забрать вторую часть долга. Дочь. Ту самую, о которой напомнил «Большой директор».

— Она греется, — прошептал Игорь, чувствуя, как немеют губы. — Смотрите на капот. Там датчик температуры. Стрелка должна быть внизу, на нуле. Двигатель же заглушен.

Капот «Волги» едва заметно парил, но не от жара мотора. Пар поднимался от земли *к* машине. Асфальт вокруг передних колес покрывался инеем. Тонким, кружевным слоем. Тепло уходило из окружающего мира внутрь этой железной коробки. — Третий закон термодинамики, — выдохнул Игорь. Он отпустил чертежный рейсфедер час назад, но инженер внутри него продолжал искать точку опоры в физических законах. — Энтропия замкнутой системы. Она понижает температуру среды до абсолютного нуля, чтобы аккумулировать энергию разрыва связей. Когда ребенок исчезает... это не похищение. Это аннигиляция. Высвобождение колоссального объема скрытой теплоты жизни. Экзотермическая реакция страха. — Что ты несешь? — просипел Николай Иванович. — Совсем сбрендил? Помоги мне встать. Ноги не держат.

Игорь помог начальнику подняться. Тяжелый, пропитанный спиртом и отчаянием человек повис на его плече.

— Я подпишу ваши акты списания, Николай Иванович, — сказал Игорь, глядя на машину во дворе. — По всем узлам. Без брака. Закрывайте наряды. Идите домой. Заприте дверь. Заложите щель под дверью мокрым полотенцем. Огонь зажигалки не должен проходить. Если пламя отклонится — бегите. Прямо сейчас. Через черный ход. Она пришла не за вами. Она пришла балансировать ведомость.

Он практически вынес начальника из кабинета, довел до лестницы и передал двум мастерам смены, которые прибежали на шум. Те смотрели на Игоря круглыми от страха глазами, понимая, что перед ними разворачивается крушение карьеры, но боясь спросить подробности.

Сам Игорь вернулся в кабинет. Плотно прикрыл за собой дверь, отсекая рев цеха. Эмблема всё ещё лежала на столе возле лужицы водки. Игорь взял её через носовой платок. Металл перестал источать космический холод, теперь он был просто прохладным. Обычный хромированный пластик.

Он подошел к окну.

«Волга» всё ещё стояла там.

Игорь достал свой рабочий блокнот. Руки больше не дрожали. Страх никуда не делся, он просто замерз, превратился в сухую аналитическую пыль.

Если система потребляет детей как топливо, значит, у неё есть коэффициент полезного действия. Есть выхлоп. Есть уязвимость.

Он сел за стол начальника, отодвинув в сторону бутылку. Разложил перед собой чистый лист бумаги формата А4. Снял колпачок с ручки.

Нужно было рассчитать критическую массу. Сколько детских жизней вмещает в себя бак одной «Волги»? До какого района Новой Москвы она может доехать на полном приводе ужаса, прежде чем потребует следующая заправка?

За окном, на той стороне двора, хлопнула дверца. Звук был мягким, приглушенным, словно подушечкой провели по сукну. Игорь не обернулся. Он начал писать:

«Объект: ССД (модификация "Директорская").

Масса снаряженная: ~1650 кг.

Энергопотребление: биологическая паническая атака субъекта (расчетное значение согласно шкале Холмса-Рея для подростковой группы — 8.5 единиц).

Тепловой градиент: -40°C относительно окружающей среды.»

В коридоре загремели тяжелые сапоги охраны ВОХР. Директор завода вызвал наряд, чтобы вывести совсем потерявшего связь с реальностью начальника цеха с территории предприятия без лишнего шума.

Игорь сложил лист вчетверо, спрятал его во внутренний карман пиджака, одел пальто и выключил свет в кабинете.

Выходя, он аккуратно повесил табличку «Не входить. Ведутся расчеты» на ручку двери. Затем прошел через весь грохочущий цех, кивнув знакомому токаря, и вышел через проходную.

На улице пошел настоящий снег. Крупные, медленные хлопья оседали на крышах. Чёрной «Волги» на погрузочной рампе уже не было. На том месте асфальта, где она стояла, зияло темное пятно сухого покрытия, от которого всё ещё веяло стужей. Снежинки, попадая в радиус этого пятна, не таяли. Они падали на землю уже крошечными льдинками, издавая стеклянный звон.

Глава 4. Частота страха

Воскресенье выдалось обманчиво ясным. Октябрьское солнце, низкое и бледное, как старая фотобумага, заливало улицы Москвы светом, который не грел, а лишь подчеркивал контраст между черными силуэтами зданий и свинцовым небом. Игорь Савин ненавидел такие дни. В чертежах резкие тени скрывали огрехи литья, заставляя перепроверять размеры по десять раз.

Лена крутилась перед зеркалом в прихожей, повязывая поверх школьного платья огромный шерстяной шарф Марины Эдуардовны.

— Я похожа на гусеницу, — сообщила она, пытаясь рассмотреть себя через плотные вязанные петли.

— Ты похожа на ребенка, которого не продует на сквозняке, — отрезал Игорь, зашнуровывая ботинки. Он проверил узел дважды. Двойной бантик. Механическая привычка к избыточности креплений. — Ключи взял. Деньги взял. План утвержден: Лубянка, «Детский мир», отдел кукол. Обед в кафетерии на четвертом этаже. Бульон с пирожком. Обратная электричка в семнадцать ноль-ноль. Отклонения от маршрута допускаются только в случае ядерного удара.

Лена фыркнула. Смех дочери был единственным звуком, который разгонял липкую тишину его холостяцкой квартиры на Варшавском шоссе.

«Детский мир» гудел. Суббота была днем продуктовых заказов и очередей за мясом, воскресенье принадлежало детям. Пространство центрального зала на первом этаже напоминало зал ожидания Казанского вокзала в час пик, только вместо тюков люди толкали перед собой коляски, а воздух дрожал от сотен детских голосов, требующих мороженого или заводную машинку.

Игорь держал Лену за руку крепко, но без раздражения. Ладонка дочери была сухой и горячей. Она тянула его в сторону эскалатора.

— Куклы, пап! Сначала куклы!

Отдел советской игрушки находился на третьем этаже. Это было царство целлулоида, капрона и тяжелого пластика. Полки уходили под самый потолок, где под тусклыми лампами дневного света сидели сотни одинаковых девочек с закрывающимися глазами. Улыбки у них были нарисованы так старательно, что казались оскалом. — Выбирай, — Игорь подвел дочь к стеллажу. — Бюджет ограничен тремя рублями пятидесятью копейками. Этого хватит на стандартную модель или на ту китайскую резиновую, которая пищит, если нажать на живот. Но тогда без одежды. Лена ходила вдоль полок медленно, профессионально хмурия брови. Она брала коробки, переворачивала их, читала мелкий шрифт на вкладышах.

— Пап, смотри. Немецкая ГДР-овская. С настоящими волосами.

Она протянула ему коробку. Внутри сидела блондинка в нарядном платье из настоящего ситца. Лицо у нее было живое — чуть капризное, совсем не похожее на идеологически выдержанные лица советских подруг.

Игорь повертел коробку в руках. На дне стояла цена: четыре рубля. Превышение бюджета.

— Волосы настоящие, а вот туфли пластмассовые, некачественные, — вынес он вердикт. — Шов видишь? Литник неровный. Развалится через неделю. Нет, кнопка. Возьми нашу. Наша хоть и топорная, зато инженерно выверенная. Пупсу руки-ноги оторвешь — обратно вставишь, будет как новый. А эта... это импорт. Одноразовая эстетика.

Пока он читал лекцию о преимуществах советского ГОСТа над западной штамповкой, пальцы Лены выскользнули из его ладони.

Он заметил это не сразу. Просто почувствовал изменение плотности воздуха рядом.

Оглянулся. Дочь стояла двумя рядами стеллажей левее. Она смотрела не на полки. Она прижималась ухом к задней стенке шкафа.

Стеллажи в «Детском мире» были массивными, капитальными конструкциями из толстой фанеры, стянутой металлическим профилем. Они стояли вплотную друг к другу, образуя длинные узкие коридоры.

— Лена! — позвал Игорь. — Мы договаривались держаться в зоне прямой видимости. Нарушение техники безопасности.

Девочка не обернулась. Она вообще словно окаменела. Ее спина была напряжена до такой степени, что клетчатая ткань пальто натянулась на лопатках.

Игорь подошел к ней. Протянул руку, чтобы дернуть за плечо, но остановился. Его собственное тело вдруг отреагировало раньше мозга. По затылку пробежал тот самый холод, который он впервые ощутил в кабинете начальника цеха. Только сейчас здесь было тепло, пахло ванилью из кондитерского отдела и мастикой для пола. Источник холода был локализован. Он исходил *из-за* фанерной стенки, к которой прижалась дочь.

— Что ты делаешь? — спросил он максимально ровным голосом.

Лена медленно повернула голову. Зрачки ее расширились, почти полностью поглотив карюю радужку.

— Тише, — прошептала она. — Там радио.

— Здесь нет радиоточки, — автоматически возразил Игорь. — Это торговый зал. Тут динамики фоновой музыки...

— Это не музыка, — перебила она. И этот тон — спокойный, констатирующий факт взрослого человека в теле десятилетнего ребенка — напугал Игоря больше, чем любые слезы. — Оно шипит. Как будто крутят ручку настройки. Знаешь, когда ловишь волну между станциями? Вот такая же пустота. Только там цифры бегают очень быстро. Быстрее, чем папа может считать. И голос иногда проскакивает. Не русский.

Игорий присел на корточки. Положил ладонь на фанеру.

Дерево вибрировало. Едва заметно, на грани тактильного восприятия. Мелкая, высокочастотная дрожь, какая бывает от работающего трансформатора. Но никакой проводки внутри декоративного стеллажа быть не могло.

— Какой голос?

— Мужской. Говорит одно слово. Много раз. «Ноль-прием». Потом цифры.

Тринадцать... сорок семь... восемьдесят два... И снова «ноль-прием». Папа, оно ищет канал. Оно сканирует диапазон.

Игорь знал частоты КГБ. Профессиональный интерес инженера связи заставлял его читать открытые журналы вроде «Радио», где иногда мелькали схемы приемников пограничных войск. Короткие волны. Специфический алгоритм поиска сигнала. То, что описывала Лена, походило на автоматическое сканирование закрытого канала экстренной связи. Кто-то — или *что-то* — стоящее за фанерной стенкой высотой в три метра, пыталось синхронизироваться с сетью государственной безопасности прямо посреди отдела кукол третьего этажа универсама «Детский мир».

— Отойди оттуда, — скомандовал он.

Лена послушно сделала шаг назад. Как только она отошла, вибрация фанеры прекратилась. Стеллаж стал просто старым шкафом, пропахшим лаком и пылью.

— Где динамик? — спросил Игорь, внимательно осматривая стыки панелей.

— Нету динамика, — тихо сказала Лена. — Звук шел изнутри дерева. Как будто дерево само говорит.

Игорь взял дочь за руку. Кожа теперь была ледяной. Тепло ушло из нее так же стремительно, как уходит вода из треснувшей колбы.

— Пойдем. Нам нужно подняться выше. Или спуститься. Куда угодно, где меньше замкнутых пространств.

Они пошли к эскалатору. Игорь двигался спиной вперед, не отрывая взгляда от темного провала между стеллажами. Ему казалось, что фанера сейчас разойдется, как расходятся занавески, и оттуда выйдет человек в сером плаще с портативной радиостанцией «Алтай» в руке. Но никто не вышел. Только одна из немецких кукол на верхней полке вдруг моргнула пластиковыми ресницами — сработала перекосившаяся пружинка замка, хотя вокруг не было никакого движения воздуха.

На четвертом этаже они купили бульон в алюминиевых чашках. Лена молчала. Она механически жевала пирожок с капустой, глядя сквозь витражные окна на крышу ГУМа.

— Расскажи мне еще раз про цифры, — попросил Игорь.

— Они шли задом наперед сначала, — ответила девочка. — Двадцать один... одиннадцать... один. А потом стали нормальными. Радио хотело открыть замок. Замок на двери, которой нет.

Игорь посмотрел на свои часы. Пятнадцать двадцать. Солнце начало садиться, окрашивая низкие облака в тревожный багровый цвет. Нужно было ехать домой. Темнота наступала рано, а вместе с ней, по словам Марины Эдуардовны, приходили гости.

Они вышли на улицу ровно в шестнадцать сорок пять.

Главный вход «Детского мира» выходил на площадь Дзержинского. Огромный гранитный Феликс смотрел вдаль, указывая железным пальцем куда-то в светлое будущее, где детей точно не крали чёрные машины.

Автобусная остановка находилась со стороны Новой площади, в арке дома страхового общества «Россия». Чтобы попасть туда, им нужно было пройти мимо Политехнического музея и свернуть в проезд Серова.

Проезд Серова всегда был проблемным местом. Узкая горловина между зданиями, заставленная машинами сотрудников ЦК и госбезопасности. Постоянный сквозняк.

Игорь увидел её сразу. Метров за сто.

Она стояла поперек проезда, заблокировав движение старенькому

«Москвичу»-пирожковозу. Водитель «Москвича» сидел за рулем, вцепившись в баранку, и даже не сигнализировал. Он просто смотрел. За ним уже скопилось несколько машин, но ни одна не давила на клаксон. Атмосфера звенела той самой ватной тишиной, которую Игорь помнил по кабинету Николая Ивановича.

— Пап, — Лена сжала его локоть. Пальцы снова были горячими. — Это та собака?

— Да, — сказал Игорь. — Очень большая собака.

Машина стояла носом к выездным воротам внутреннего двора. Идеальная позиция для мгновенного старта. Капот холодный — снег, падающий на него, не таял, превращаясь в аккуратную белую перхоть. Ни выхлопных газов, ни пара от радиатора. Двигатель работал абсолютно бесшумно. Единственным доказательством того, что мотор включен, была едва заметная рябь горячего воздуха, поднимающаяся от решетки радиатора, да ритмичное, хищное подрагивание стрелки датчика температуры на приборной панели, которую Игорь видел даже с такого расстояния. Стрелка качалась между сорока и пятьюдесятью градусами. Мотор остывал, вытягивая калории из московского октября.

Боковое стекло водительской двери начало опускаться. Тот же механизм, что и во дворе Текстильщиков. Бесшумный, нарушающий законы физики стеклоподъемников

ГАЗ.

Игорий принял решение за долю секунды. Логика говорила бежать. Прятаться. Искать милиционера. Но какой смысл искать защиту у формы, если сам директор завода склоняется перед этим хромированным ужасом?

Логика инженера взяла верх над инстинктом жертвы.

— У нас есть преимущество, — шепнул он Лене. — Угол атаки тридцать градусов.

Ослепление водителя отраженным светом.

— Папа, не надо, — выдохнула дочь. — Давай перейдем дорогу. Там метро. — Делай, что я говорю. Когда скажу «три», бежишь к арке на Никольской. Там народу много, толпа. Жди меня у касс Большого театра. Поняла? Маршрут отхода: арка — Никольская — Театральная площадь. Красный сигнал светофора игнорируешь. Он снял свой дипломат. Тяжелый, обитый кожаным материалом ящик с инструментами и чертежами.

«Волга» продолжала стоять. Стекло опустилось полностью. Внутри салона было абсолютно темно. Чернее, чем в тоннеле метрополитена. Это была не просто темнота отсутствия света, это была плотность поглощения.

Игорь передал дипломат Лене.

— Держи. Не открывай. Что бы ни случилось.

Он сделал шаг вперед, выходя из тени арки на прямое пространство проезда. Солнце, готовое нырнуть за крыши Лубянки, ударило последним лучом прямо в лобовое стекло «Волги».

Обычно солнечный свет отражается от стекла, создавая блики, позволяя увидеть, что происходит внутри. Луч вошел в чёрный квадрат кабины и исчез. Растворился без следа. Машина выпила фотоны.

Из темноты салона потянуло запахом. Не бензином, не маслом. Запахом озона после грозы, раскаленного железа и чего-то сладко-гнилого, похожего на запах в отделе анатомического театра, куда студентов-медиков водили на практику. Запах распада органики при низких температурах.

Дверца начала открываться. Петли, смазанные идеальной, незамерзающей смазкой, издали звук, похожий на вздох.

Игорь ждал появления ног в начищенных туфлях или форменных сапогах.

Но из машины вышла рука.

Сначала кисть. Серая, цвета мокрого асфальта кожа, обтягивающая кости слишком плотно. Пальцев было шесть. Длинных, суставчатых, заканчивающихся не ногтями, а матовыми черными пластинами. Рука оперлась о край двери, подтягивая остальное тело.

Водитель начал выходить. Он не распрямлялся во весь рост. Его суставы сгибались в неправильных плоскостях. Спина выгнулась дугой, голова ушла глубоко в плечи. Рост существа составлял от силы метр пятьдесят, но весило оно, судя по тому, как просел правый борт тяжелой «Волги», килограммов двести.

Оно повернуло голову — хруст шейных позвонков прозвучал как треск ломающегося шифера — в сторону Игоря.

Лицевой пластины не было. Вместо глаз, носа и рта зияла одна сплошная воронка динамика, затянутая металлической сеткой. Из этой сетки шел тихий гул.

Низкочастотный резонанс, от которого зубные пломбы Игоря начали зудеть, а в костях черепа возникла тупая боль.

Существо сделало шаг. Асфальт под его подошвой (обычный резиновый коврик в салоне промялся под весом) покрылся тонкой корочкой льда. — Раз, — громко сказал Игорь.

Его собственный голос показался ему чужим. Горло пересохло мгновенно. Существо замерло. Голова-динамик наклонилась набок, прислушиваясь. Или калибруясь.

Игорь сунул руку во внутренний карман пальто. Достал не удостоверение. Не деньги. Он достал обломок хромированной эмблемы, завернутый в три слоя газеты «Правда», которые купил в киоске исключительно ради плотной бумаги.

Металл всё ещё хранил память о температуре абсолютного нуля.

— Два, — произнес Игорь громче. Он швырнул сверток. Газета развернулась в воздухе. Хромированный круг полетел прямо в сетку динамика на лице водителя.

Это не было оружием. Это был технический вызов. Инердное тело в системе смазки.

Песок в подшипнике.

Свёрток ударился о лицо существа. Раздался звук лопнувшей струны. Резкий, ультразвуковой визг обратной связи. Металл эмблемы соприкоснулся с мембраной голоса ССД.

Существо отшатнулось, вскинув шестипалые руки к голове. Его идеально чистое пальто пошло складками, которые невозможны для человеческой анатомии.

— Три! — крикнул Игорь. — Беги!

Лена сорвалась с места. Она бежала не панически, а грамотно, петляя между редкими прохожими, используя их тела как прикрытие. Маленькая красная точка ее шапки быстро растворилась в толпе у перехода на Большую Дмитровку.

Игорь не побежал. Он остался стоять, преграждая путь к отступлению. Он смотрел, как существо судорожно пытается содрать с лица прикипевший металл. Хром вплавлялся в серую кожу, испуская сизый дымок.

Водитель издал звук. Впервые за всё время наблюдения. Это не был человеческий крик. Это был скрежет тормозных колодок «Волги», усиленный в тысячу раз. Существо рухнуло на колени. Руки-сваи били по лицу, пытаясь выбить искры из собственного черепа.

Задняя дверь «Волги» резко распахнулась. Оттуда вырвался порыв ледяного ветра, сбросивший снег с крыш припаркованных машин. Из темноты багажного отделения — огромного, вмещающего холодильник «ЗиЛ» — метнулась вторая тень. Мельче, быстрее. Она схватила первое существо за воротник плаща и одним рывком втянуло внутрь.

Хлопнула дверь.

Стекло водительской двери поднялось.

«Волга» тронулась с места. Без визга шин. Без звука мотора. Она просто сдвинулась назад, набирая скорость. Задний ход на скорости сорок километров в час.

Она врзалась в «Москвич»-пирожковоз.

Удар должен был смять багажник легковушки и разворотить моторный отсек фургона. Вместо этого раздался звук сминаемого алюминия, но машины не пострадали геометрически. «Волга» просто прошла *сквозь* препятствие. «Москвич» остался стоять целым, только двигатель его заглох навсегда, свечи залило космическим холодом, а краска на бампере покрылась изморозью.

Чёрный седан выровнялся, включил первую передачу и вылетел из проезда Серова на площадь Дзержинского, нарушив все возможные правила дорожного движения. Перед самым памятником машина совершила маневр, невозможный для заднего привода — поворот на девять градусов практически на месте, оставив на брусчатке чёрный след оплавленного камня.

Игорь стоял посреди дороги, пока сиреневый дым выхлопа окончательно не рассеялся.

К нему подбежала Лена. Она плакала, размазывая варежкой слезы по щекам.

— Папа, у тебя волосы... посмотри.

Он провел рукой по макушке. Под пальцами захрустело. Целые пряди волос на висках и затылке потеряли пигмент. Седина. Молниеносная, химическая седина, вызванная спазмом сосудов или выбросом адреналина такой концентрации, который сжигает меланоциты.

Рядом остановилась патрульная машина ГАИ. Молоденький лейтенант высунулся из окна:

— Гражданин, отойдите с проезжей части. Документики ваши можно? Что тут произошло? Почему говорят, машина людей сбила?

Игорь посмотрел на лейтенанта. На его чистый белый подворотничок, на кобуру, на значок отличника службы.

— Ничего, командир, — сказал Игорь Савин, чувствуя, как губы растягиваются в странной, чужой улыбке. — Просто ветер сегодня сильный. Листья срывает. Вместе с цветом волос. Всё в порядке. Мы идем в Большой театр. Билеты пропадают. Он взял Лену за руку, и они пошли прочь от Лубянки, оставляя за спиной застывший «Москвич» с мертвым аккумулятором и площадь, над которой впервые за день пошел настоящий, тяжелый ноябрьский снег.

Глава 5. Картография ужаса

Путь до Шаболовки Игорь прошел на автомате, превратившись в придаток к собственному пальто. Он крепко держал Лену за руку, чувствуя сквозь шерстяную варежку неестественный жар ее ладони. Дочь молчала всю дорогу в трамвае, глядя на свое отражение в темном стекле окна. За окном проносились Москва: серые фасады сталинок, дымящие трубы заводов, очереди у гастрономов. Обычный воскресный вечер социалистического города, из которого час назад механически вырезали кусок реальности.

У Игоря самого мерз затылок — там, где волосы соприкасались с воротником драпового пальто. Проведя рукой по макушке во время тряски, он едва сдержал дрожь. Под пальцами хрустнула седина. Не благородное серебро, которое иногда пробивается после сорока, а жесткая, ломкая белизна выжженной соломы. Словно кто-то провел паяльной лампой вдоль висков, уничтожив пигмент. «Термический шок, — отстраненно подумал инженер Савин. — Перегорание предохранителей». Марина Эдуардовна открыла им дверь прежде, чем ключ коснулся скважины. Она стояла на пороге в своем вечном байковом халате поверх ночной рубашки, плотно запахнувшись, хотя чугунные батареи в квартире гудели от перегрева.

— Быстро оба внутрь, — прошипела она, цепким взглядом обшаривая лестничную клетку. Наверху хлопнула чья-то дверь, и теща втокнула их в прихожую, накинула тяжелую щеколду и для верности набросила цепочку. Звук металла прозвучал как передернутый затвор. — Ботинки ставьте строго на коврик. Лена, марш руки мыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.